

WORLD CLASSICS BOOKS

МИХАИЛ

АРЦЫБАШЕВ

ПАЛАТА НЕИЗЛЕЧИМЫХ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А88

Арцыбашев, М.П.

А88 Палата неизлечимых / М. П. Арцыбашев. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 256 с. —
(World Classics Books).

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Винсента Ван Гога «Палата больницы в Арле», 1889, Собрание доктора Оскара Рейнхарта, Винтертур, Швейцария.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

Содержание

Деревянный чурбан	5
Мститель.	38
Палата неизлечимых	70
Преступление доктора Лурье	96
Рассказ о великом знании.	117
Сильнее смерти	132
Старая история.	160
О ревности	201
Под солнцем	225

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧУРБАН

I

Ни один листик не шевелился кругом, а их были миллиарды, и каждый был насквозь пронизан светом и теплом. Под ногами шуршали жесткие иглы травы, пробившейся сквозь многолетнюю сухую листву, по которой мягко и странно было идти, точно под нею были упругие и сильные пружины. Пахло листвою, мохом и грибной сыростью. Впереди, позади, по сторонам был лес — зеленое море листьев, веток, мхов, могучих стволов, — и золотым дождем сеялись повсюду солнечные лучи, как будто звучащие какой-то неслышимой, благодатной музыкой. Кругом же было тихо торжественной, таинственной тишиной, и тишине этой не мешали далекое звонкое кукованье кукушки, чуть слышный стук дятла, долетавший откуда-то снизу, из невидимого в чаще глубокого сырого оврага, и непрестанное дружное рабочее гудение миллионов насекомых, ползавших, скакавших и летавших

в траве, по деревьям, на освещенных ярким солнцем и отблеском голубого неба полянах.

Жизнь крепкая и упорная, как рост векового дуба, была вокруг, и от каждого едва видного жучка, хлопотно ползущего куда-то вверх по стеблю, веяло твердым знанием чего-то своего — мудрого, серьезного и нужного.

Политический ссыльный, студент Веригин, еще очень молодой человек, с сухими и широкими плечами, за которыми торчало тонкое дуло ружья, в высоких сапогах и полинялой розовой рубашке, один шел по лесу, широко шагая, приглядываясь и прислушиваясь ко всему.

Из-под старой студенческой фуражки курчавились светлые и жесткие волосы, серые глаза смотрели уверенно и прямо, но по тому, как пристально он всматривался в зеленую чашу и как старался не сбиться с едва намеченной тропки, местами совсем пропадавшей в кустах, было видно, что в лесу он человек новый, не знает его и бессознательно боится этой зеленой глубины.

Прошло всего часа два, как он вышел из поселка, и по расчету не мог уйти больше семи-восьми верст, а уже казалось, что на тысячу миль кругом нет ни единой человеческой души и везде только один этот зеленый таинственный лес, своей жизнью живущий, свою тайну ведающий, старый как мир.

На опушке большой поляны Веригин остановился.

Здесь было так много солнца и трава была такая яркая, что глазам и радостно, и больно было глядеть. Из

густой сочной зелени смотрели тысячи голубеньких, синих, красных и желтых цветов, над ними танцевали, точно ошалев от солнца и тепла, белые бабочки, а вверху открывалась необозримая глубина сверкающего и тающего неба, по которому ослепительно белые и кудрявые на развернутых парусах легко плыли далекие счастливые облака. Тропинка точно утонула в этой зеленой благодати, а на той стороне той же сплошной стеной стоял темный перепутанный, казалось, непроходимый лес и тысячами зеленых глаз внимательно и жутко смотрел на одинокого человека, неожиданно появившегося в его царстве.

— Черт его разберет, где там это дурацкое озеро! — с досадой сказал Веригин. — Поляну-то я нашел, а где тот «корявый» дуб, черт его знает... Все дубы корявые!

Он решил отдохнуть и осмотреться. Перед выходом из дому он закусил, но от быстрой ходьбы и крепкого лесного воздуха ему уже опять захотелось есть.

— Надо подзакусить, а там видно будет! — решил он.

Трава была мягкая и душистая; свежестью охватило его слегка вспотевшее мускулистое тело, и Веригину захотелось лечь на спину и растянуться так, чтобы каждым атомом своего существа впитывать в себя тепло и свежесть этой удивительной первобытной земли.

В сумке у него была вареная колбаса и черный хлеб. Хлеба было много, и потому он старался откусывать колбасы поменьше, заедая огромными кусками мягкого, вкусного, пахучего хлеба, но не удержался и съел всю

колбасу, даже со шкурой, которая показалась ему удивительно вкусной.

Потом он снял сумку, поставил ружье к дереву и растянулся в траве. И сразу исчез лес, кругом встала такая странная вблизи трава, а вверху развернулась синева неба с застывшим на ней круглым, белым, как кипень, облаком. Внизу у корней трава казалась дремучим тропическим лесом, и почти на каждой травинке ползали или важно сидели какие-то козявки, а один толстенький красненький жучок, свесившись на самом конце стебелька, в упор рассматривал Веригина маленькими, как точки, непонятными черными глазками. Изредка, ныряя в воздухе, точно уносимая ветром, проносилась над ним легкая белая бабочка и снизу казалась прозрачной и желтой.

Веригин лег на спину, раскинул руки и ноги, будто в самом деле хотел захватить побольше земли, и закрыл глаза, сразу погрузившись в какой-то светлый золотистый мрак и тихую, гудящую и жужжащую музыку. Веки закрытых глаз сами собой трепетали под теплым светом, от кончиков ног по спине до затылка тянулась и обволакивала все тело сладкая, ленивая истома, а в ушах непрерывно стояла эта музыка и то сливалась в одну густую дрожащую, точно медом налитую ноту, то распадалась на целый хор каких-то потрескивающих, позванивающих и шепчущих звуков. Иногда над самым ухом что-то заводило свою особливую песенку, и тогда казалось, что кто-то подкрался к нему, смотрит из-за

густой травы зелеными лесными глазами и говорит что-то одно и то же, очень важное, и серьезное, на своем непонятном, нечеловеческом языке.

Веригин невольно открыл глаза, но никого не было кругом: зеленая трава тихо шевелилась на синем небе, и красный жучок как зачарованный неподвижно смотрел на него черными глазками. Веригин невольно улыбнулся ему: у забавного жучка был такой загадочный вид, точно это именно он, когда Веригин закрывал глаза, превращался в лесного человечка и рассказывал, и доказывал ему что-то. Веригин хотел тронуть его пальцем, но лень было пошевелить рукой, и он закрыл глаза.

Какие-то ленивые и смутные мысли наплывали и тянулись в голове без конца.

«Лес, лес... — машинально думал Веригин, — в конце концов, и в самом деле все-чепуха, а самое главное, единственно нужное, это-лес, земля, небо и солнце!.. Лес!.. Кто это, в самом деле, говорит?.. Вот так близко, прямо-таки в самое ухо, отчетливо так!.. Кажется, прислушаться получше и поймешь что-то. Это тот жучок превратился в маленького лесного человечка, в смешном, круглом красном сюртучке, и рассказывает... У него, должно быть, круглая маленькая головка и забавная серьезная мордочка с черными глазками... Лес!.. Отчего это каждый человек, как только попадает в лес или поле, начинает думать и говорить, что вся его жизнь была ошибкой и настоящее счастье только здесь, среди природы, в простом, немудрствующем существовании?...

И ведь каждый знает, что не проживет здесь и трех дней!.. Проклинаем культуру, ругаем людей, а сами жить без них не можем!.. Странно, есть тут какое-то недоразумение!.. Ведь вот так ясно чувствуешь, что счастье где-то здесь близко, а поймать его не можешь. И поймаешь, а не удержишь, и скучно, и тянет к людям, городам, борьбе!.. Нет, мы забыли секрет этой простой растительной жизни!.. А этот смешной лесной человечек, притворяющийся жучком, должно быть, знает и силится мне рассказать, только я не могу понять его. Вот, опять!.. Ну, громче, громче!.. Не так быстро, отчетливее!.. Нет, не поймешь!.. Фу, лень какая!.. Так бы и заснул!.. А дело все в том, что надо верить, будто это страшно важно, что солнце светит, что трава растет, жучок сидит... Ведь мы как?.. Мы думаем, что природа-это только дачное удовольствие, и когда смотрим на какую-нибудь козявку, то уверены, что нам до нее, в сущности, никакого дела нет!.. Мы, эгоисты, углубились в свое человеческое, а природу только снисходительно допускаем!..»

Веригин вдруг вспомнил, как однажды, попав в монашеский скит в самый разгар революции, спрашивал старого почтенного монаха:

— И газет вы не читаете?

— Нет.

— Неужели вам не интересно знать, что делается на свете?

— Что же там делается... Мы знаем вот, что солнце светит! — неожиданно веско и спокойно ответил монах.